

УЧРЕДИТЕЛИ
Высшая школа экономики,
Фонд «Отечественные записки»
ISSN 1683-5581
ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
20019 в Каталоге агентства
«Роспечать» Газеты, Журналы
1-2013
КОД ИЗДАНИЯ
5704 в Каталоге «Интерпочта»

АДРЕС РЕДАКЦИИ
Москва, 101000,
ул. Мясницкая, д. 20, к. 516
тел. +7 (495) 755-6936
факс +7 (495) 755-6937
www.strana-oz.ru
E-mail: text@ozfoundation.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Татьяна Малкина

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Галина Скрябина

ШЕФ-РЕДАКТОР
Никита Соколов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Симон Кордонский
Виталий Лейбин
Александр Ослон
Вадим Радаев
Кирилл Рогов
Алена Солнцева
Григорий Тамчин

НАУЧНЫЕ КОНСУЛЬТАНТЫ
Галина Козлова
Елена Пенская

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
СЕКРЕТАРЬ
Екатерина Габриэлова

РЕДАКТОРЫ
Валентина Быкова
Лада Муравьева
Александр Щербаков

КОРРЕКТОР
Вера Кинша

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ
Антон Дьяченко

МАКЕТ
Валерий Коршунов

ВЕРСТКА
Жанна Иванова

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47567 от 02.12.2011

Редакция благодарит
за помощь в работе над номером
Мартина Гилмана,
за экспертную поддержку
Фонд Егора Гайдара

© Фонд «Отечественные записки», 2012

Отечественные записки

ЖУРНАЛ ДЛЯ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ

Выходит с декабря 2001 года

№ 5 (50) 2012

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

От редакции 6

ФОРМУЛЫ ДВИЖЕНИЯ

Александр Ф. Филиппов
Парадоксальная мобильность 8

Ришар Робер
Деклассирование:
новая социальная проблема? 24

Лариса Косова
Про равенство и неравенство 42

Татьяна Сидорина,
Оксана Тимченко
Социальное иждивенчество —
оборотная сторона благоденствия 58

Алексей Левинсон
Дурное образование — хороший лифт 75

Владимир Николаев
Движение ради продвижения 84

Никита Харламов
Пространства мобильного мира 95

Александр Рубцов
Власть в России: люди, лифты, коридоры 109

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Лариса Косова
О важности слов
(О. И. Шкаратан. Социология неравенства) 121

Алексей Цветков
Повесть о двух городах
(Энрико Моретти. Новая география рынка труда.
Джозеф Стиглиц. Цена неравенства) 124

ДРУГИЕ БЕРЕГА

Филипп Гибер, Ален Мержье
Социальный антилифт 131

Андрей Портнов

ПОЛЬША ПРИОБРЕТЕННАЯ,
НО НЕ ОБРЕТЕННАЯ

На медали, выбитой по случаю второго раздела Речи Посполитой, российский орел держит в лапах карту присоединенных в результате разделов 1772 и 1793 годов земель, снабженную выразительной надписью: «Отторженная возвратих». А в написанной уже после третьего раздела и не изданной при жизни автора записке Николая Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811) патетически утверждалось: «Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое»¹.

«Кому достанется Волянь?» Поиски российских ответов

Для Пушкина вынесенный в заглавие этого раздела вопрос был далеко не риторическим. Как это часто бывает, гениальный поэт в одной фразе выразил сомнения и колебания российской общественной мысли по поводу судьбы добытых от Речи Посполитой территорий.

Не углубляясь в историографический анализ вопроса, отмечу лишь, что мифицирующий язык национализма сформировал убежденность в «извечной» природе польско-русского антагонизма, телеологизировал цели и мотивации российской политики в присоединенных губерниях. Концепт «воссоединения русских земель» овладел русским общественным мнением с середины XIX века, а мотив «восточных кресов», утерянной Родины стал одним из краеугольных камней современного польского национального сознания².

Однако сразу после разделов Речи Посполитой и польская элита, и Российская империя начинают поиск возможностей сосуществования. Изначально официальная линия России в присоединенных землях исходила из постулата «сохранения тишины и спокойствия». Польские же интеллектуалы предложили в качестве основы для сотрудничества с Россией идеи *политического славянофильства*. Именно поляки — Станислав Сташиц и Зориан Доленга-Ходаковский — первыми выдвинули теоретически обоснованные схемы объединения славян вокруг России. В органической связи с тезисом о славянском родстве шла идея *цивилизационной миссии поляков в России*, понимаемой по исторической аналогии с ролью греческой культуры в истории Рима. Станислав Сташиц писал: «Сплотимся же с Россией и будем просвещаться. Возьмем от нее мощь, а она пусть берет

¹ Карамзин Н. М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. Москва, 2002. С. 394.

² Подр. см.: Głębocki H. Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856—1866). Kraków, 2000; Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). Москва, 1999; Долбилов М. Полонофобия и русификация Северо-Западного края (1860-е гг.): Метаморфозы этностереотипов // Образ врага / Сост. Л. Гудков. Москва, 2005. С. 127—174 и др.

от нас просвещение»³. Литератор Каэтан Козмян, недавний участник восстания Тадеуша Костюшко, призывал в своих воспоминаниях:

В Польше, несмотря на взаимно нанесенные друг другу удары, отношение к русским... было менее неприязненным, чем к другим соседям, унижавшим нас своей гордыней. Русские не отрицали цивилизационных превосходств поляков, тогда как другие народы с раздражением и презрением именовали нас варварами. Русские и поляки могли быть как два бескорыстно сражающихся рыцаря, заядлые на поле брани, но, нанеся друг другу раны, готовые бросить оружие, подать друг другу руки и жить в согласии»⁴.

Интересно, что параллель с Грецией и Римом воспринималась и на русской стороне. Например, в торжественной оде «На присоединение польских областей 1793 г.» Василия Петрова Россия, сравниваемая с Римом, приглашает поляков разделить счастливую участь со-творцов империи:

*Став с Россом вы в одном составе,
Участуйте днесь первы в славе,
В блаженстве, в имени ево»⁵.*

Третьей важной идеей была *надежда* польских элит (в том числе из австрийской и прусской частей бывшей Речи Посполитой) на *Россию как возродителя утраченного отечества*. Особо сильными эти ожидания были в начале царствования Павла I, известного нелюбовью ко всем предприятиям Екатерины (в числе которых не последняя роль принадлежала разделам Польши). Павел ограничился освобождением Костюшко и остальных арестованных за участие в восстании поляков, но уже этим вызвал исключительно русофильские настроения в прусской на тот момент Варшаве⁶. Еще большие ожидания разбудил своими пропольскими симпатиями Александр I.

Именно на ранний период царствования Александра (до 1807 г.) приходится целый ряд блестящих имперских карьер поляков. Адам Ежи Чарторижский, ближайший друг императора, стал министром иностранных дел России (1804—1806) и попечителем Виленского учебного округа. Сенатор и тайный советник Михал Огинский, известный как композитор-любитель и автор «Полонеза», в своих мемуарах писал: «Если царь Александр не смог выполнить всего, что желал и что обещал, нельзя допустить и мысли, чтобы поляки не были ему признательны за все доброе, что он им сделал»⁷, имея в виду прежде всего дарование Конституции Царству Польскому в 1815 году. Символично, что именно по представлению поляка Северина Потоцкого Сенат в первый и последний раз обратился к императору с заявлением, что обязательная 20-летняя военная служба для дворян нарушает права сословия, после чего Потоцкий приобрел славу русского патриота и, по словам Адама Чарторижского, «эта слава была так приятна графу, что из-за нее он позабыл свои прежние польские чувства»⁸.

Свои надежды на научную карьеру связал с Россией Ян Потоцкий, удостоенный милости Александра за книгу «История примитивных народов России» (1802), автор стратегии покорения Россией Кавказа, тайный советник и почетный член Петербургской академии наук. Все эти карьеры разрушили политические со-

³ Koźmian K. Pamiętniki. Poznań, 1858. Od. 1. S. 236.

⁴ Там же. S. 208—209.

⁵ Петров В. Сочинения. Санкт-Петербург, 1811. Ч. 2. С. 146.

⁶ Mościcki H. Dzieje porozbiorowe Litwy I Rusi. T. 1. S. 396.

⁷ Ogiński M. Pamiętniki o Polsce I Polakach. T. 3. S. XIV.

⁸ Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. С. 242.

бытия 1807 года (Тильзитский мир) и особенно наполеоновские войны, однако в 1822 году после публикации в «Северном архиве» рецензии на «Историю» Николая Карамзина на научную карьеру в России рассчитывал уже виленский историк Иоахим Лелевель. На этот раз его планы перечеркнуло раскрытие в 1824 году польского заговора в Виленском университете⁹. Все приведенные примеры (а ими перечень имперских карьер поляков отнюдь не исчерпывается) важны как свидетельства самой возможности ориентации на карьеру в России и неантагонистическое видение ее отношений с Польшей.

Если порыться в архивах...

В секретном рескрипте от 8 декабря 1792 года генералу Михаилу Кречетникову, начальнику русских войск в Киевском, Брацлавском, Подольском и Волынском воеводствах, императрица Екатерина II писала:

Нет нужды упоминать здесь о причинах, побудивших нас присоединить к империи Нашей от республики польской земли, издревле России принадлежавшие, грады русскими князьями созданные и народы общаго с россиянами происхождения и Нам единовѣрные, и о Наших на то правах¹⁰.

Исторические и религиозные аргументы повторены в письме императрицы к немецкому публицисту Фридриху Мельхиору Гримму, которого Екатерина убеждала, что «не получила ни пяди польских земель», поскольку все ее приобретения исторически принадлежали Великому княжеству Литовскому¹¹.

Известно, что первой карту исторических прав в территориальных претензиях к Речи Посполитой разыграла в 1770 году Австрия, обосновывая свою аннексию округа Зандец древней его принадлежностью венгерской короне, после чего прусский император Фридрих в ответ на замечание австрийского посла, что более того Австрия не имеет к Польше претензий, бросил: «Поройтесь в своих архивах, и Вы найдете там предлог приобрести в Польше еще что-нибудь, помимо того, что Вы уже оккупировали...»¹². Предложение услышали и в России. Екатерина в письме Александру Безбородко в конце 1791 года, накануне второго раздела, рассуждала: «Взять, кажется, тут Волынию и Подолию много разных предлогов, лишь выбрать»¹³.

Одним из результатов разбора архивов стало «Историческое известие о возникшей в Польше унии с показанием начала и важнейших в продолжение оной чрез два века приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униятов на благочестивых тамошних жителей гонений, по Высочайшему блаженные памяти императрицы Екатерины II повелению, из хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел в Московском архиве актов и разных исторических книг... собранное» Николая Бантыша-Каменского, написанное в 1794-м, но изданное лишь в 1805 году в Москве. Мимоходом упоминая «отторгнутый в смутные времена от России народ», свой главный тезис Бантыш-Каменский сформулировал четко: «Желательно, дабы рано или поздно обратились Унияты паки к матери своей

⁹ Анализ развития российских карьер Яна Потоцкого и Иоахима Лелевеля см.: Nowak A. Od Imperium do Imperium. Kraków, 2004. S. 147—166.

¹⁰ Рескрипты императрицы Екатерины Второй генералам Каховскому и Кречетникову и донесения их императрице // Сборник Русского Исторического Общества (далее: СБРИО). Санкт-Петербург, 1885. Т. 47. С. 473.

¹¹ Fleischhacker H. Russische Antworten auf die Polnische Frage, 1795—1917. München — Berlin, 1941. S. 4.

¹² Цит. по: Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795.

Москва, 2002. С. 140.

¹³ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Москва, 2002. С. 687.

Греко-Российской Церкви»¹⁴. В контексте данного исследования особую важность имеет вопрос: почему эту книгу, написанную «по Высочайшему повелению», не спешили обнародовать раньше? Независимо от того, можно ли публикацию этого труда, приуроченную к десятилетию третьего раздела Польши, считать противостоянием полонофильским настроениям начала царствования Александра I, его выход в свет свидетельствует о качественных изменениях ситуации в России, появлении общественного мнения.

Фактор единой веры особо подчеркивал в «Мнении о делах польских 1794 года» граф Безбородко, видевший принципиальное преимущество России перед другими странами — участницами разделов: «[Мы] получим знатное число народа греческого исповедания, в унию обращенного, и, конечно, легко имеющего возвратиться в соединение с нашей церковью при одинаковом языке»¹⁵. Важно отметить, что православное исповедание здесь трактуется именно как одно из преимуществ России, но не как цель ее вмешательства в польские дела. Проблема единовѣрцев в Речи Посполитой или диссидентский вопрос для России в конце XVIII века — прежде всего тактическое оружие и дополнительный аргумент, легитимизирующий ее политику. Впервые он появляется в договоре России с Пруссией от 16 декабря 1740 года, в сепаратном артикуле которого обе стороны обязались покровительствовать диссидентам (т. е. населению не римско-католического исповедания) в Польше. При этом к разыгрыванию карты покровительства диссидентов Россию подталкивала часть православных иерархов, например, игумен виленского монастыря Святого Духа Феодосий Леонтович, перечислявший в одной из своих записок в Петербург от 24 ноября 1762 года выгоды от защиты православных в Польше. По-видимому, ориентируясь на сформировавшийся у него образ рационалистической российской политики, как первостепенную «пользу» игумен представлял то, что впредь не надо будет подкупать магнатов для получения важных сведений, а обо всех их секретных намерениях можно будет узнать от единовѣрцев. Далее перечислялись сохранение политического равновесия и возможность влияния на внутреннюю ситуацию в Польше, и лишь пятым пунктом шло:

Российскому нашему государству можно будет на 600 верст самой лучшей и плодороднейшей земли с бесчисленным православным народом пред всем светом праведно и правильно у поляков отобрать¹⁶.

Таким образом, игумен искушает правительство скорее плодородной землей, чем защитой православия.

Решающим событием в реализации планов диссидентской политики Петербурга стала речь могилевского епископа Георгия Конисского на церемонии коронации Екатерины 29 сентября 1762 года. От имени православных Речи Посполитой епископ обратился к императрице с просьбой о защите и покровительстве. Однако неверно представлять диалог иерархов с Петербургом односторонне, часто иерархи были лишь орудием имперской политики, которая в то же время была достаточно сдержанной. Это объяснялось отчасти сословно-династической природой империи, отдававшей себе отчет в том, что все православные Речи Посполитой составляют подчиненное сословие, а субъект взаимодействия — польские католические элиты.

Изданный 27 марта 1793 года манифест Кречетникова «О присоединении Польских областей к России» прежде всего выражал попечение императрицы о благах самой Польши, «о сохранении в сей соседней Ей области покоя, тишины и вольно-

¹⁴ Бантыш-Каменский Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии с показанием начала и важнейших, в продолжении оной чрез века, приключений. М., 1805. С. 413.

¹⁵ Цит. по: Стегний П. В. Указ. соч. С. 368.

¹⁶ Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. Москва, 2004. С. 326.

сти». Далее генерал в качестве дополнительного аргумента напоминает, что Екатерина всегда «с особливым соболезнованием... взирала на те притеснения, которым земли и грады, к Российской империи прилеглые, некогда сущим Ея достоянием бывшие и единоплеменниками Ея населенные, созданные и православною Христовою верою просвещенные и по сие время оную исповедующие, подвержены были»¹⁷. Но главным поводом вмешательства называлась угроза от «безбожных бунтовщиков в Королевстве Французском», которые своими действиями могли «истребить как собственное ея [Польши. — А. П.], так и соседей ея спокойствие»¹⁸.

Рассматривая вмешательство в польские дела как просветительское противостояние Порядка Хаосу (в европейской литературе конца XVIII века именно Речь Посполитая обычно представляла образцом неустроенного, хаотического и нежизнеспособного организма), в плоскости практической политики установление Порядка первоначально выглядело как «сохранение тишины и спокойствия» и «нерушимость устоявшихся обычаев». В переписке 1794 года высших российских сановников (князя Безбородко и князя Репнина) высказана такая мысль по поводу управления «польскими губерниями»:

Люди к старому очень привязаны. Всякая подать меньше для них тягостна, чем потеря того, что они за привилегии свои почитали... Искать педантически единообразия была бы такая же химера, как предполагать и равенство между людьми... Для сего то я настоял и при разделе 1793 года, чтобы жителям тамошним оставлены были их права и привилегии»¹⁹.

Тот же Репнин дал чрезвычайно яркое выражение сословной логики империи на западных окраинах: «Неудивительно, что мнение тех, которые с тарелками за стульями стоят, не согласно с теми, которые на стульях сидят. Им все хочется самим на стулья сесть, сбив тех, которые их занимают по своему роду»²⁰. В текстах эпохи Просвещения отношение дворянства к крестьянам было выражено предельно четко. В написанном в 1780-е годы «Рассуждении о непрменных государственных законах» Денис Фонвизин отождествляет понятие «нации» с дворянством, а о крестьянстве пишет как о «народе», который, «пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласо бремя жестокого рабства»²¹. В 1767 году поэт Василий Сумароков писал: «Крестьяне наши никаких благородных чувств не имеют»²². В «Загородной поездке» Александра Грибоедова есть фраза: «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен»²³. Естественно, такой подход исключал серьезное размышление об этнической принадлежности крестьянства новых губерний.

Российская власть при этом умело играла на крестьянских ожиданиях в кризисных ситуациях. Во время восстания Тадеуша Костюшко 1794 года российские власти призвали крестьян поставить государственный интерес выше верности по-

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Санкт-Петербург, 1830. Т. 23. С. 410.

¹⁸ Там же. С. 411.

¹⁹ Бумаги кн. Н. В. Репнина, за время управления его Литвою // СБРИО. 1875. Т. 16. С. 60.

²⁰ Там же. С. 177.

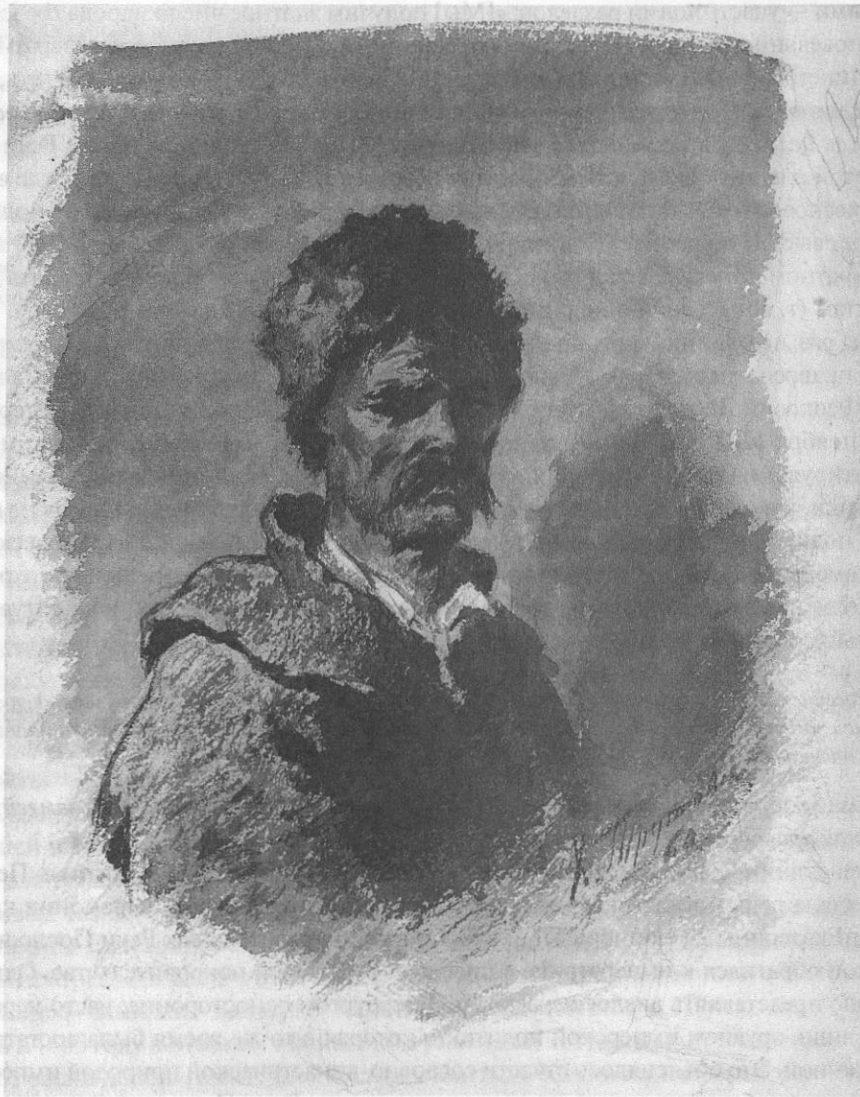
²¹ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. Москва — Ленинград, 1959. Т. 2. С. 266.

²² Луковский Г. Очерки по истории русской литературы XVIII в. Москва — Ленинград, 1936. С. 67.

Тут стоит вспомнить, что Сумароков был первым автором, адресовавшим свое творчество не монарху или двору, но дворянам-интеллигентам своего круга. И отобразил в своих текстах представление об обществе как иерархии несмешиваемых, взаимно подчиненных и четко разграниченных в своих функциях сословий. В такой системе представлений «честь» была прерогативой дворянства в силу его независимости и подразумевала как право господства над «неблагородными», так и обязанность господства над своими эгоистическими желаниями.

Там же. С. 19, 23, 53.

²³ Грибоедов А. С. Сочинения. Москва, 1988. С. 383—384.

мещикам²⁴. Во время наполеоновской кампании 1812 года в официальных воззваниях крестьяне именовались «почтенными нашими поселянами», «почтенными гражданами», то есть с использованием терминологии, зарезервированной для юридически свободных сословий²⁵.

Наиболее ярко слабость этнической составляющей российской политики отражает используемая в официальных документах терминология. В рескриптах Екатерины II выступают польские «Хелм», «Бржесть», «Покуция» вместо русских «Холм», «Берестье», «Покутье»²⁶.

Убедительной иллюстрацией национальной слепоты центральной имперской власти являются материалы заседаний Комитета министров — высшего административного органа в Санкт-Петербурге, созданного в сентябре 1802 года в качестве совещательной структуры абсолютной монархии, в рамках которой император мог обсудить наиболее спорные вопросы управления государством с назначенными им высшими сановниками. В начале XIX века львиная доля дел, рассматриваемых Комитетом, происходила от губернаторов новоприобретенных западных земель, которые довольно часто просили поддержки и вмешательства верховной власти в их противостояние со все более сильным польским движением, особо активизировавшимся во время наполеоновских войн. Губернаторы информировали столицу о распространении слухов про восстановление Наполеоном Речи Посполитой в границах до первого раздела, активизацию контактов шляхты западных губерний с поляками австрийской Галиции и подсаживали, что «одна примерная строгость» могла бы стать наукой для всех. Однако позиция Комитета министров была начисто лишена национальной оптики, он совершенно не интересовался этническим составом крестьянского населения или содержанием образования, получаемого местной шляхтой²⁷.

Политика постепенного и осторожного вмешательства в «местные дела» новоприобретенных губерний проводилась не только на словах. Университетский устав 1804 года требовал перевода всего преподавания на русский язык, это требование повторялось в уставе 1828 года, но русский стал по-настоящему языком преподавания в учебных заведениях всех уровней только после восстания 1830 года²⁸ (и то не сразу — в 1863 году Юрий Самарин писал про жизненную необходимость в западных губерниях «просвещения, православно-русского, а не общей цивилизации»²⁹). Не лучше обстояли дела с языком и в центре: возглавивший III Департамент Сената Иван Дмитриев сетовал, что лишь немногие местные сборники права были переведены (и то переписаны дурным почерком), остальные хранились в оригиналах, причем заведующий польскими делами не знал польского, а остзейскими провинциями — ни немецкого, ни латыни³⁰.

Если говорить о конфессиональной политике, то в отчетах волынского губернатора за 1806 год состояние православных (в тогдашней официальной терминологии «греко-российских») церковью оценивалось так: «Они вообще ветхи и бедны до безобразия; прихожане их также бедны», а помещики «занимаются собственными костелами»³¹. В отчете с той же Волыни за 1810 год губернатор писал, что

православную религию исповедуют «только находящиеся при должностях чиновники и обращенные в православие по присоединении здешнего края к России поселяне»³². До 1830 года политических выводов из этого не делалось.

Сословный характер империи ярко иллюстрирует история с имитацией шляхетства, описанная в документах архива Правительствующего Сената. Один дезертир, переименовав фамилию, был в Васильковском повете «принят шляхетским обществом». Разъясняя возможность такого поворота событий, Киевское губернское правление в рапорте от 14 апреля 1815 года сообщало в Правительствующий Сенат:

...Как народ здешний, то есть крестьяне и мещане говорят языком русским украинским и религии греко-российской, а дворяне и шляхта по большей части говорят языком польским и римско-католической религии, то все приходящие сюда люди неизвестного состояния, т. е. беглые мещане литовские, выходцы голицейские и даже беглые от польских помещиков дворовые люди, называя себя подобно вышепоказанным и говоря польским языком, принимают здесь весьма удобно сельскими шляхетскими обществами в число свое, единственно потому, что оные люди по языку, по религии и по прозваниям похожи на здешних шляхтичей»³³.

О том, что данный случай был не единственным, свидетельствуют цифры, показывающие огромное количество «новоприписанной» шляхты без каких-либо документов — только в Киевской губернии таковой было 12 407 душ³⁴. Отдавая себе отчет в имитировании шляхетства, центральные органы власти много рассуждали о потерях казны от неуплаты «псевдшляхтичами» налогов, но не делали никаких политических выводов. Лучшим свидетельством этого была риторика высказываний о крестьянстве. В представлении киевского гражданского губернатора от 1802 года отмечалось, что дворянство губернии «благодарно и в достаточном воспитании», а вот «чернь здешняя требует всегдашнего надзора или побуждения»³⁵. Речь здесь идет о тех же людях, которых после 1863 года Михаил Погодин назвал «соотечественниками» и призывал «освободить из-под ига враждебного племени»³⁶ (принципиальное отличие шляхты от поселян подчеркивалось, как и раньше, только теперь акцент был перенесен с уз социальных на национальные: новое время требовало новой аксиологической перспективы).

Разделяй и оккультуривай

Описанное состояние неопределенности прослеживается в таком историческом источнике, как торжественные оды, отражавшие поиски государственной мифологии.

В предложенном одами описании разделов Речи Посполитой преобладает мотив расширения пространства цивилизации. Он повторяется многократно в оде Василия Петрова «На присоединение польских областей» 1793 года, выстроенной в виде монолога реки Днепр.

Устами Днепра Петров обращается к «новой области России», отождествляемой им с Польшей и в то же время называемой «древней, но отступной» дочерью России, которая не слушала родственного зова и одичала «яко зверь»:

*Гордитесь в мысли вы спокойной:
Вы днесь сыны под небесем
Монархини, владеть достойной
Не вами токмо, светом всем»³⁷.*

³² Там же. Л. 232об.

³³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 193об—194.

³⁴ Там же. Л. 207об.

³⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 209. Л. 21об.

³⁶ Погодин М. П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831—1867. М., 1868. С. 100.

³⁷ Петров В. Сочинения. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1811. С. 144.

²⁴ Żytkowicz L. Rządy Repnina... S. 314—318.

²⁵ Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. Москва, 1967. С. 78.

²⁶ Архив Государственного Совета. Санкт-Петербург, 1869. Т. 1. С. 173—174; СБРИО. Т. 16. С. 134.

²⁷ Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (далее — РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Спр. 14.

²⁸ Остапчук О. Язык и идентичность в ситуации полилингвизма: Правобережная Украина в первой трети XIX в. // Беларусь и Украина: История и культура. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 227—252.

²⁹ Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 442.

³⁰ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 136.

³¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 31. Л. 57об.

Для Петрова совершенно отсутствует мотив православного русского населения, он обращается исключительно к полякам, но в соответствии с панславистским канонем, предложенным во многом теми же самыми поляками. Пожурив их за имевшие в истории место козни против России, поэт приглашает поляков к строительству империи и предсказывает день, когда «все Славенско плем'я / В честь Норда препояшет меч»:

*Но вам наперсники России,
Поляки! Первородства честь;
Вы дни предупредили сии:
Вам должно прежде всех расцвести
Став с Россом вы в одном составе,
Участуйте днесь первы в славе,
В блаженстве, в имени ево.
Сколь в древности велики были,
Которы Римлянами слыли;
Днесь имя Россов таково³⁸.*

Последние строки свидетельствуют, что упоминаемая выше метафорическая параллель Польша-Россия — Греция-Рим воспринималась и в российских кругах.

Уже через два года муза Петрова повторяет текст манифеста Кречетникова о «якобинской заразе». В оде 1795 года «На взятие Варшавы» поэт, теперь уже устами заплаканной Вислы, уведомляет, что «наперсники России... в чудовищей преобразились / Секванским духом заразились», возмнили «Чтоб все на свете были равны / Все наглы, хищны, звероправны» и забыли, что «Без посторонния опеки / Они табун, не человеки»³⁹. Обеспокоенная такими преобразования на своих берегах, Висла просит Неву:

*Иль извергов природы дерзких
В правдивом гневе порази;
Или полки чудовищ мерзких
Опять в людей преобрази.
Не дай распространиться яду...⁴⁰*

Устами «покорителя Варшавы» генерала Александра Суворова Екатерина приглашает поляков «к сладости свободы».

Те же образы приобщения к цивилизации находим и в других источниках. Еремил Костров как реальность описывает, как «горделив Сармат»:

*Колени преклоня, целует ту десницу,
Которой мужеством он в плен веселый взят
Взят в плен, и тем узрел отрад своих десницу.
Жалеет, что ему всенощный ток судеб
Толь поздно путь явил к разсудку и блаженству⁴¹.*

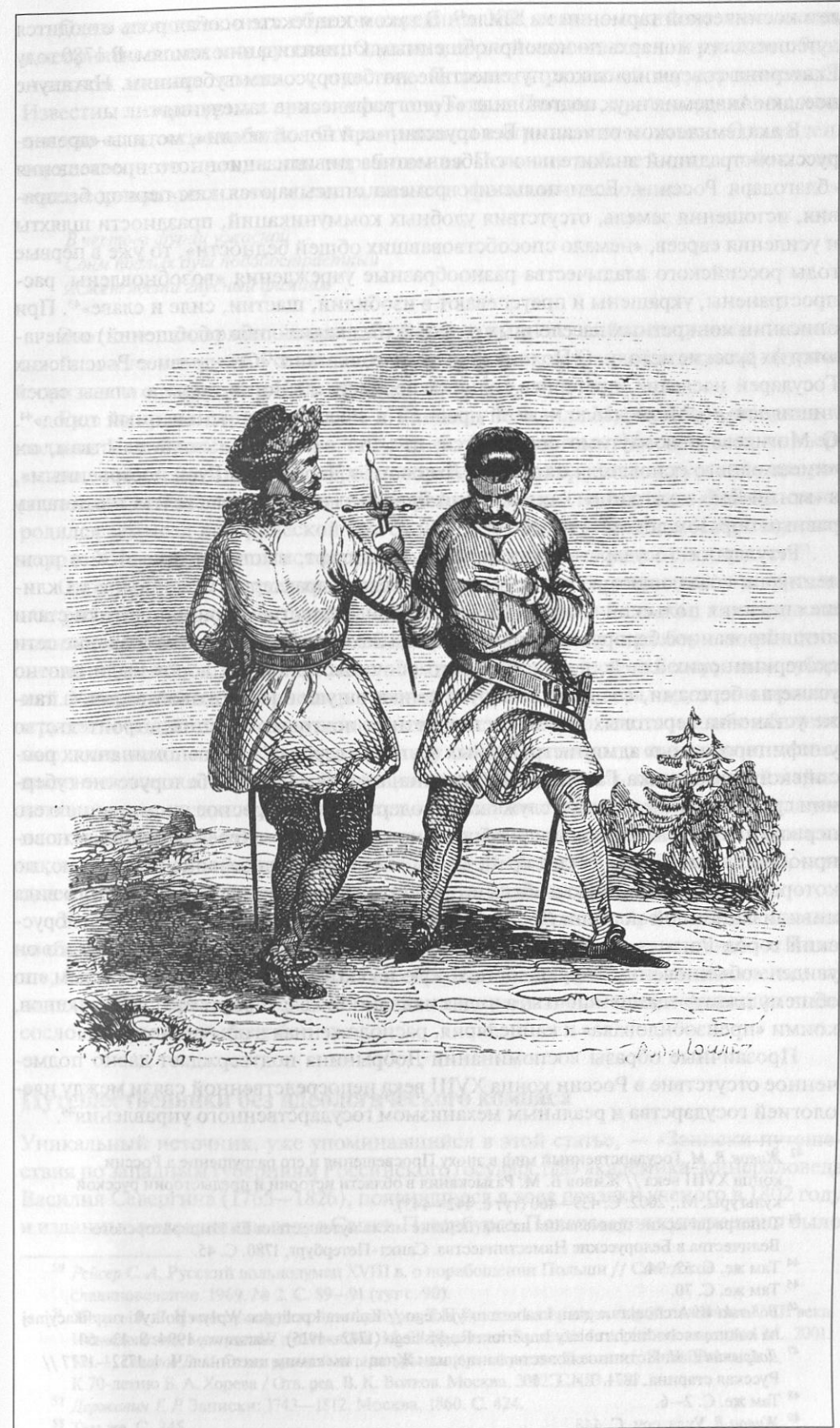
Таким образом, «блаженство» и «сладости свободы» дарованы регулярным (полицейским) государством. Как показал Виктор Живов, в просветительской концепции абсолютный просвещенный монарх воспринимается как установитель мировой гармонии, а государство становится предметом поэтического восторга и философских рассуждений именно потому, что выступает распорядите-

³⁸ Там же. С. 146.

³⁹ Там же. С. 162—163.

⁴⁰ Там же. С. 164.

⁴¹ Костров Е. Стихи на день восшествия на престол Ея Императорского Величества Екатерины II // Сочинения Кострова. Санкт-Петербург, 1849. С. 165.

лем космической гармонии на земле⁴². В таком контексте особая роль отводится путешествиям монарха по новоприобретенным к цивилизации землям. В 1780 году Екатерина совершила такое путешествие по белорусским губерниям. Накануне поездки Академия наук подготовила «Топографические замечания».

В академическом описании Белоруссии, «сей новой земли», мотивы «древнерусских» традиций значительно слабее мотива цивилизационного просвещения «благодаря России». Если польские времена описываются как период беспорядка, истощения земель, отсутствия удобных коммуникаций, праздности шляхты и усиления евреев, «немало способствовавших общей бедности», то уже в первые годы российского владычества разнообразные учреждения «возобновлены, распространены, украшены и преуспевают в изобилии, щастии, силе и славе»⁴³. При описании конкретных населенных пунктов (без каких-либо обобщений) отмечаются их русские истоки. О Полоцке, например, сказано: «Сие древнее Российских Государей наследие, претерпев толикия перемены, многия силы и славы своей лишилося», о Мстиславле — «сей древний и Россиянами основанный город»⁴⁴. О Могилеве невозмутимо сообщается, что, по некоторым свидетельствам, он «имеет одного основателя с городом Львовом, в Червонной Руси построенным», а «могий Лев» не что иное как «могучий Лев», но тут же отмечается: «Сию догадку равным образом доказать трудно»⁴⁵.

Регулярное государство регулирует и ландшафт, выступая при этом в ролидемиурга, создающего из хаоса (а именно такая характеристика — одно из клише описания польской анархии) порядок. Свидетельством такой политики стали инициированное белорусским наместником Захаром Чернышевым создание сети екатерининских аллей, в ходе которого обочины основных дорог были плотно посажены березами, создававшими у путника ощущение парковой аллеи, а также установка верстовых столбов, стандартных почтовых станций, строительство унифицированных административных зданий в городах⁴⁶. В воспоминаниях российского чиновника Гавриила Добрынина, отправленного в белорусские губернии средним канцелярским служащим, содержится интересное упоминание о его первом впечатлении от новоприобретенных губерний: «Перевалившись в новоприобретенный Белорусский край, мы удивились, увидя безконечную аллею, по которой ехали, посаженную с обеих сторон по два ряда березками»⁴⁷. Из этого вида цивилизационной поступи Добрынин заключил: «По приезде в первый белорусский город Рогачев мы увидим великолепные здания». Однако вместо этого он увидел «обыкновенную деревню, похожую на скотной двор», с построенным «по общему плану» зданием почты, а в едва найденной квартире и смрад, и тараканов, коими «преизобиловала» и канцелярия, расположенная в обычной избе⁴⁸.

Прозаичные образы воспоминаний Добрынина подтверждает давно подмеченное отсутствие в России конца XVIII века непосредственной связи между идеологией государства и реальным механизмом государственного управления⁴⁹.

⁴² Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 439—460 (тут с. 442—443).

⁴³ Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ея Императорского Величества в Белорусские Наместничества. Санкт-Петербург, 1780. С. 45.

⁴⁴ Там же. С. 52, 94.

⁴⁵ Там же. С. 70.

⁴⁶ Boberski W. Architektura ziem I zaboru rosyjskiego // Kultura I polityka: Wpływ polityki rusyfikacyjnej na kulturę zachodnich rubieży Imperium Rosyjskiego (1772—1915). Warszawa, 1994. S. 43—60.

⁴⁷ Добрынин Г. И. Истинное повествование, или Жизнь, им самим писанная. Ч. 1. 1752—1777 // Русская старина. 1871. Т. 4. С. 1.

⁴⁸ Там же. С. 2—6.

⁴⁹ Живов В. Указ. соч. С. 448.

Один из постоянных образов середины XIX века — взаимное непонимание и неприятие поляков и русских. Однако в первой половине века в русском общественном мнении заметно сочувствие Польше, утратившей государственность. Известны литературные проявления сочувствия Польше, противоречившие концепции «сладости свободы». Сохранившаяся в отрывках анонимная «Ода на день торжественного празднества порабощения Польши» соболезновала той, с кого венец сорвало «насилье», и издевалась над официальными одами:

*В чертоге фурии ужасной
Сонм подлых душ подобострастный
Жжет лести гнусный фимиам*⁵⁰.

Этот текст содержит элемент, свойственный и позднейшим проявлениям общественного мнения в России: автор обращается к той самой коварной «фурии» с призывом о даровании Польше свободы.

Еще во время первого раздела 1772 года у Михаила Муравьева, в то время — солдата Измайловского полка, а позднее — попечителя Московского университета, товарища министра народного просвещения, учителя русской истории и словесности наследников императорского трона Александра и Константина, родился замысел исторической трагедии «Болеслав» о Болеславе II Кривоустом, короле XII века, добившемся территориального единства польских княжеств⁵¹.

Одну из сторон отношения к польскому движению отражает многозначительное рассуждение поэта и придворного Гавриила Державина о том, как надлежит наказывать участников польской конспирации, «из нижнего разбора людей» (священники, мелкая шляхта), арестованных в 1798 году в одной из белорусских губерний. Утвержденный им приговор к вечной каторге в Сибири за нарушение присяги о русском подданстве поэт и сановник назвал чрезмерно жестоким, ибо обвиняемые всего лишь «имели некоторые между собой разговоры о спасении от нашего владения своего отечества»⁵². Державин считает, что сделать «завоеванный народ» истинно верноподданным можно лишь «правосудием и благодеяниями, а тогда уже и наказывать его за преступления, как и коренных подданных по патриотическим законам», а затем добавляет любопытную вещь: наблюдать надо за магнатами, «а не за тем, что попы и подьячие между собою в домах своих разговаривают»⁵³.

Таким образом, в «альтернативном» дискурсе Польша предстает как символ свободы. Описанные заявления, исполненные симпатий по отношению к Польше, были возможны, пока романтизм не разглядел в крестьянском населении западных губерний «русских» и не поставил национальную идентификацию выше сословной и любой другой.

Путешественники без идеологического компаса

Уникальный источник, уже упоминавшийся в этой статье, — «Записки путешествия по западным губерниям Российского государства» академика-минераловеда Василия Севергина (1765—1826), появившиеся в ходе поездки ученого в 1802 году и изданные в следующем году в Санкт-Петербурге. Поводом для путешествия было

⁵⁰ Рейсер С. А. Русский вольнодумец XVIII в. о порабощении Польши // Советское славяноведение. 1969. № 2. С. 89—91 (тут с. 90).

⁵¹ Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. II Русская литература второй половины XVIII века. Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. М., 2001. Кн. 1; Топоров В. Н. Ответ русской литературы на первый раздел Польши // Studia Polonica: К 70-летию В. А. Хорева / Отв. ред. В. К. Волков. Москва, 2002. С. 183—197.

⁵² Державин Г. Р. Записки: 1743—1812. Москва, 1860. С. 424.

⁵³ Там же. С. 245.

повеление императора Александра осмотреть и перевезти в Московский университет натуральный кабинет покойной княгини Анны Яблоновской в Семятиче. Понятно, что академик-путешественник все время поездки проводил в шляхетских, исключительно польских кругах. Описанные им простолюдины западных губерний суть ретрансляция взгляда на них польского помещика:

Шисматики отличаются от Унеятвов тем, что сии последние повинуются папе, а первые Патриарху Цареградскому. Одевание Шисматиков подобно одеанию Грекороссийских монашествующих особ. Также расположение церкви и обряды при Богослужении во всем почти подобны Российским. Находясь в Прусской части Польши и не умея впрочем ни слова по Российски, совершают они Богослужение по Российским церковным книгам. Обыкновенное Греко-Россиян приветствие на праздник Христова Воскресенья: Христос Воскрес и ответ на сие: Воистину Воскрес, также и у них в употреблении...

Говоря о Шисматиках нельзя не упомянуть мне также о Унеятах. Исповедание и особливо Богослужение Унеятвов во всем сходно с Богослужением Шисматиков. Как в Прусской, так и в Российской части Польши называют они себя Россиянами⁵⁴.

Не имея готовой идеологической схемы описания реалий новоприобретенных губерний, Севергин назвал тамошних крестьян так, как их называли равные ему — помещики («шисматики» — пейоративное польское название православных). Академик не узнал в православных белорусских крестьянах «своих», даже несмотря на то, что они, по его словам, «подобны» российским православным и даже называют себя «россиянами».

Подобные проблемы уже в 1817 году испытывал в Киеве князь Иван Долгорукий, приехавший в древнюю столицу, по его собственному признанию, «погулять»⁵⁵. Общение с поляками привело автора к выводу, что «по непостоянству характера своего» народ этот и язык свой «изуродовал»: «...Их наречие есть одно из самых неприятных в Европе. К тому же Поляки самые легкие слова стараются сделать тяжкими в произношении. Он не скажет просто “три”, а “трши”, не “пять”, а “пенць”, и так чтобы выговорить, например, 33 надобно сказать “«тршьдесыцтырши”. Представьте, какое мучительное коверканье языка и всей челюсти! Не легче ли было бы сказать добро, нежели “добрже”?»⁵⁶.

Довольно легкомысленный путешественник, тем не менее, обратил внимание на этническую ситуацию в крае: «Не думайте, чтобы Губерния была населена Поляками: совсем нет! Она состоит в народе из Малороссов, Козаков и вообще, что мы называем, из Хохлов Русского Исповедания и Закона»⁵⁷. Трудности с определением национальности основной массы населения прекрасно отражают растерянность россиянина перед реалиями западных губерний, отсутствие готовых формул описания реальности.

Присутствует тема «национальной слепоты» и в ретроспективных текстах о начале XIX века. В «Записках» выходца из немецких дворян Филипа Вигеля, чье детство прошло в Киеве («Украина была для меня настоящая родина»), автор вспоминает визит в бывшее имение Потемкина в Богуславле и Корсуне:

...не мог надивиться тому, что везде вижу православные церкви, везде слышу Малороссийское наречие и только изредка встречаю поляков. Невежество мое, которое, впрочем, разделял я со всеми жителями внутренней России, заставляло меня думать, что все находящиеся за старою нашею границей есть и было всегда настоящая Польша⁵⁸.

⁵⁴ Севергин В. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства в 1802 г. Санкт-Петербург, 1803. С. 93.

⁵⁵ Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1870. Кн. 2. С. 90.

⁵⁶ Там же. С. 87—88.

⁵⁷ Там же. С. 89.

⁵⁸ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891. Ч. 1. С. 119.

В данном контексте действительно уникальным текстом являются «Волынские записки» сочинителя Степана Руссова, изданные в 1809 году в Санкт-Петербурге. Автор уже на обложке указывает, что написал свой текст в Житомире. Почетный член Академии наук по отделению языка и словесности проявляет поразительную этническую проницательность:

Граница с Галициею не есть граница Российского народа: в самой Галиции даже до Карпатских гор обитают Россияне же, говорят по Российски, исповедуют веру Грекороссийскую Униатскую; даже города и селения сохраняют доселе Российские имена, как-то Львов, Ярославль, Перемышль и прочая⁵⁹.

Является ли текст Руссова нерепрезентативным исключением из правила этнической слепоты или следствием глубокого знания автором реалий региона? В любом случае «Волынские записки» опровергают историографический тезис о том, что в начале XIX века никто не воспринимал позднейшие Восточную и Западную Украину как части одного этнического целого. Руссов подчеркивает: «Здесь (волынские. — А. П.) Россияне язык и все нравы имеют как все вообще Малороссияне»⁶⁰. Более того, Руссов был не первым. В предисловии неизвестного автора к публикации, происходящей из совершенно иной пограничной украинской области — Слобожанщины, «Топографическое описание Харьковского наместничества» отмечается общность «области одного Славено-Российского племени, ныне трем государствам принадлежащие» и прямо упоминается та же Галиция⁶¹.

Возвращаясь к Руссову, стоит обратить внимание, что в эпоху, которую принято называть «донациональной» (во всяком случае в современном понимании этого слова), он помещает в своей книге главу «Нации». Вывод автора и на этот раз небанален:

Каждое почти состояние составляется из особой нации. Все именующиеся шляхетством суть природные Поляки, кои кроме шляхетства и духовенства почти ни к какому более состоянию не принадлежат; все Евреи суть купцы и мещане, и они одни только всю торговлю здешней губернии имеют в своих руках... И все Россияне суть земледельцы, пребывающие в неусыпных трудах и глубоком неведении⁶².

Чего стоила Руссову его прозорливость? Существуют упоминания о том, что за свои «Волынские записки» он стал жертвой нападения шайки волынской шляхты во главе с неким Залесским («званием житомирский маршал, фигурою запорожский казак, умом деревенский мужик»⁶³).

Зарождение «гражданского» патриотизма

Осенью 1819 года было написано «Мнение русского гражданина» официального историографа Николая Карамзина. Обращаясь к императору Александру, Карамзин приводит аргументы против замысла «восстановления Польши в ее целостности»⁶⁴.

⁵⁹ Руссов С. Волынские записки. Санкт-Петербург, 1809. С. 67.

⁶⁰ Там же. С. 110.

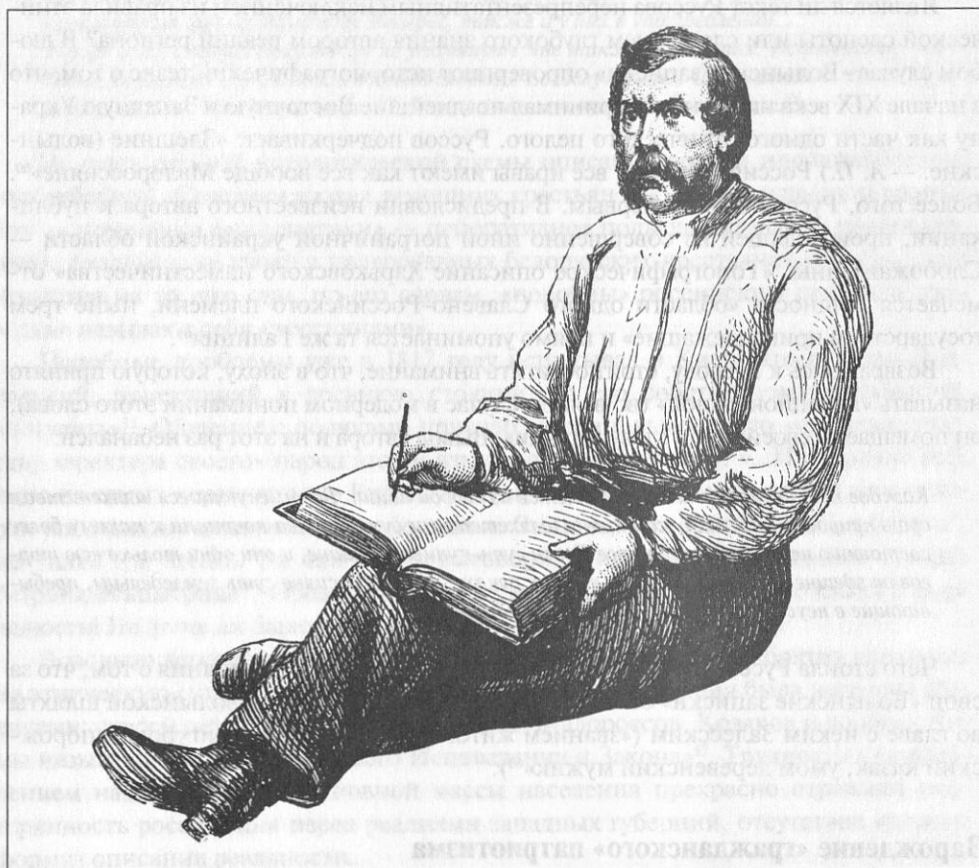
⁶¹ Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст. К., 1991. С. 17. На данное обстоятельство первым обратил внимание Роман Шпорлюк.

⁶² Руссов С. Волынские записки. С. 79—80, 183.

⁶³ Волынская революция первой четверти XIX столетия. Письма надворного советника Опытова к графине Старожиловой // Киевская старина. 1883. № 2. С. 219—365 (тут с. 343).

⁶⁴ Отметим, что Карамзин в данном случае выступил выразителем настроений значительной части дворянских элит. Подобные аргументы использованы и в ряде других текстов: Всеподданнейшее письмо В. С. Ланского к Александру I-му // Русский архив. 1863. Москва, 1866. С. 839—841; Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов: Записки, письма, показания, проекты конституций, извлеченные из следственного дела с вводной статьей. Киев, 1906. Вып. 1.

Начав с апелляции к христианскому мировоззрению царя, историк подчеркивает невозможность реализации христианских принципов в реальной политике («Евангелие молчит о политике», «мы, захотев быть христианами-политиками, впадаем в противоречия и несообразности»). Отказ от планов восстановить Польшу в границах 1772 года Карамзин обосновывает аргументами *геополитики* (мол, даже если Россия пойдет на такой шаг, к нему не склонит ни Австрию, ни Пруссию); *правом завоевания* («Мы взяли Польшу мечом.., Екатерина отвечает Богу, отвечает Истории за свое дело; но оно сделано и для Вас уже свято»)⁶⁵; *династическим принципом «старых крепостей»* (мол, Белоруссия, Волынь, Подолия, Галиция «были некогда коренным достоянием России»)⁶⁶.

Далее Карамзин рассматривает, что бы произошло, если бы Александр восстановил историческую Польшу. Прежде всего возникла бы угроза того, что «мы» (в данном случае Карамзин, вероятно, имеет в виду образованные круги российского общества) лишились бы «не только прекрасных областей, но и любви к царю». Это предостережение Карамзин усиливает тезисом о том, что «никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками». За сим следует чрезвычайно любопытная фраза, уже цитировавшаяся выше: «Литва, Волыния желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи

⁶⁵ Карамзин Н. М. Мнение руського гражданина // Карамзин Н. М. О древней и новой России. М., 2002. С. 437. Ср. запись Адама Чарторижского о беседе Павла Первого с освобожденным им Костюшкой, в которой император сказал, что если бы он царствовал в то время, то на раздел Польши не согласился, но теперь не в его власти этот акт уничтожить: *Чарторижский А. Мемуары*. М., 1998. С. 101.

⁶⁶ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 437.

Российской»⁶⁷. Здесь особо важно упоминание Волыни, «желающей Королевства Польского», указывающее на отсутствие осознания Карамзиным единства западных губерний.

Написавший уже после 1830 года книгу о благоустройстве России эмигрант Николай Тургенев предлагал вообще отказаться от Польши, видя в ней второе после крепостного права «препятствие для прогресса в России». Тургенев использовал несколько отличную от Карамзина риторику национального, но отобразил неустойчивость того, что есть «исконно русские земли»: «За исключением исконно русских губерний, возвращенных России во время 1-го раздела Польши, остальное — т. е. Литва, Подолия, само королевство никогда не находились с Россией в отношениях, необходимых для объединения»⁶⁸. Для Тургенева Подолия в число «исконно русских губерний» не попала. Можно вспомнить, что в январе 1863 года, когда подольское дворянство обратилось с просьбой о присоединении губернии к Царству Польскому, «к стране, которой предания, интересы, принципы свободы гражданской и религиозной суть те же, что и наши», «Московские ведомости» Михаила Каткова дали им гневную отповедь: подольское дворянство «органически неспособно представлять нужды и желания своей провинции», поскольку дворянство — польское, а остальные сословия — «русские». Уничжительный вывод Каткова — «200—300 человек просят о польских преданиях для страны с 1 200 000 жителей, как 18 русских семейств, имеющие дома в Ницце просили бы о введении в городе русских законов»⁶⁹ — отражает ситуацию, когда национальное уверенно побеждает сословное.

Как разыграть крестьянскую карту?

Главной предпосылкой победы национального над сословным было *приглашение крестьянства в нацию*, или опознавание в крестьянах национально родственного сообщества. На протяжении двадцати лет после разделов российская власть фактически не вмешивалась во взаимоотношения помещика с крестьянами, а сами эти взаимоотношения были очень далеки от патриархальной идиллии. Лучшим свидетельством тому стало откровенно враждебное отношение большинства крестьян к призыву польских шляхтичей поддержать восстание 1831 года. Значительно более действенным оказался призыв российского генерала Сакена, обещавшего, что крепостные больше не будут принадлежать владельцам, восставшим против монаршей власти, и призывавшего крестьян доносить власти на последних.

Первые попытки крестьян «искать правду» у российской администрации документально подтверждены с 1820-х годов. Реагируя на распространение среди крестьян слухов и стремительное увеличение количества жалоб на помещиков, Николай I издал 12 мая 1826 года манифест с опровержением слухов об освобождении государственных крестьян от налогообложения и частновладельческих крестьян — от власти помещиков. Тот же манифест, исходя из увеличения количества петиций от крестьян, повелевал «для прекращения сего зла и сохранения тишины и порядка... сочинителей или писателей таковых просьб, яко возмутителей общего спокойствия, предавать суду и наказанию по всей строгости законов»⁷⁰. В высочай-

⁶⁷ Там же. С. 438.

⁶⁸ Тургенев Н. Россия и русские / Пер. с франц. и вступ. статья С. В. Житомирской. Москва, 2001. С. 364.

⁶⁹ Катков М. Н. 1863 год: Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Русском вестнике» и «Современной летописи». М., 1887. Вып. 1. С. 4.

⁷⁰ Центральный государственный исторический архив Украины (Киев) [далее: ЦДИАУК]. Ф. 533. Оп. 2. Д. 198. Л. 41.

шем рескрипте на имя министра внутренних дел от 1 сентября 1826 года император выражал уверенность в том, что «дворянское сословие... с прискорбием встречает каждый пример злоупотребления законной власти над крестьянами и с негодованием отвергает все крайности, с отеческим началом сея власти несовместных»⁷¹.

Аксиома «отеческих начал» дополнялась еще одной метафорой бюрократического происхождения. Канцелярия Киевского, Волынского и Подольского генерал-губернатора уже в 1831 году, определяя личную ответственность помещика за сохранение тех же «тишины и порядка», разъясняла: «Каждый помещик есть ближайший полицмейстер в своих владениях и отвечает своим именем и благосостоянием за малейшее неустройство»⁷².

Запретив крестьянам жаловаться на «отца» и «ближайшего полицмейстера», центральная власть, однако, не исключала возможности единичных отклонений от нормы. По такому случаю Николай I инструктировал уездных (в источниках того времени используется термин местного происхождения — «поветовых») предводителей дворянства. Им вменялось в обязанность периодически наведываться во все окрестные имения и неофициально, без письменного производства, интересоваться отношением помещиков к крестьянам. В случае получения информации о злоупотреблениях следовало прежде всего убедиться в ее правдивости. Затем надлежало встретиться с помещиком и провести с ним разъяснительную беседу, параллельно неофициально передавая эти сведения губернскому предводителю, который, в свою очередь, ставил в известность гражданского губернатора, но не инициировал никаких действий. И лишь в случае безуспешности разъяснительной беседы, по той же иерархической цепочке, все перечисленные чиновники приступали «уже совокупно к мерам пресечения порядком»⁷³.

Жалобы крестьян на жестокое обращение помещиков стали предметом рассмотрения и Комитета министров — высшего административного органа, созданного в Санкт-Петербурге в сентябре 1802 года в качестве совещательного института абсолютной монархии. Дело об «изнурении крестьян со стороны помещиков Волынской губернии», которое волынский губернатор переслал в Петербург, содержит сам текст прошения с изложенными фактами принуждения к работе в праздничные дни и доведения крестьян до черты голода. Призывая «не дать погибнуть в скорботе и тиранстве невинно», крестьяне-просители указывают, что всеми чиновниками польского происхождения «человек почитается хуже скота и при том посудите, что благочестивый Христианин, по занятию работами, не бывает никогда в Церкви Божьей... и сам не знает, что он такое: человек ли или несчастная тварь»⁷⁴.

Наиболее любопытно решение Комитета. Не заметив «подсказки» (неизвестно: сознательной или нет) крестьянской жалобы о влиянии притеснения со стороны польских шляхтичей на положение православного населения, петербургские сановники констатировали, что в расследовании данного дела вообще нет необходимости, поскольку прошение никем не подписано. Кроме того, Комитет сослался на недавнюю поездку по Волынской губернии сенатора Сиверса, «от коего, без сомнения, не сокрылись бы столь чрезмерные отягощения крестьян», что выступает дополнительным аргументом в пользу оставления жалобы «без всякого действия»⁷⁵.

Изменяется ли такая политика после подавления польского восстания? На протяжении 1831-го и нескольких следующих лет среди документов канцелярии киевского военного губернатора часто встречаются два вида бумаг: жалобы помещиков на непосушание их крепостных с просьбой о государственном вмешательстве для восстановления послушания и жалобы крестьян на помещиков за притеснения, являющиеся мстостью за доносы об их участии в польском восстании.

25 июня 1831 года генерал-адъютант Александр Бенкендорф писал киевскому военному губернатору Борису Княжнину о полученных им сведениях, что якобы «крестьяне Киевской губернии нередко употребляют во зло предоставленное им право предоставлять начальству своих помещиков»⁷⁶. В ответ Княжнин отмечал, что еще не получал ни одной жалобы от помещиков на подобные злоупотребления со стороны крестьян, когда же последние передавали власти помещиков или экономов, участвовавших в восстании, недостатка в доказательствах — заготовленном оружии, снарядах и припасах — ни разу не было. Более того, губернатор ссылаясь на распоряжение генерала Сакена, чтобы «крестьяне, как единственно соблюдавшие в нынешнее время долг верноподданнической присяги, не были угнетаемы своими владельцами»⁷⁷, и пересказывал Бенкендорфу содержание своих собственных распоряжений: крестьян, доказавших верность престолу, защитить от притеснений и преследования; всех помещиков и экономов предварительно проинформировать о недопустимости мщения крестьянам; объявить крестьянам о дальнейшем соблюдении верности. Если же помещики тем не менее не могли удержаться от мщения, крестьяне могли жаловаться ближайшему начальству⁷⁸.

Чем заканчивались такие жалобы, можно узнать из нескольких дел, касающихся конкретных жалоб крестьян. Например, 9 сентября 1831 года шестеро крепостных с. Кухарив Радомысльского повета Киевской губернии подали жалобу на эконома Гельбовича, который увеличил им барщину и проявлял жестокость, желая отомстить за доносы о его участии в польском восстании. «Ближайшим» начальством оказался земский исправник — родной племянник помещика Понговского, нанявшего Гельбовича, потому крестьяне были вынуждены сразу обращаться в высшие инстанции. Перечисляя факты унижений и необоснованных наказаний со стороны Гельбовича и его друзей-шляхтичей, крестьяне просили прислать «безпристрастного» чиновника с целью проведения сурового расследования.

Киевский военный губернатор передал дело в Частную комиссию г. Радомысля, специально подчеркнув в письме, что «хотя и в других поветах Киевской губернии были мятежи, но только один Радомысльский повет отличается частными жалобами крестьян на угнетение помещиков и другие беспорядки по имениям, а сие самое доказывает, что вы не обращаете внимания на благосостояние крестьян»⁷⁹. 9 ноября 1831 года был подготовлен рапорт Радомысльской Частной комиссии, утверждавший, что увеличение барщины «не подтвердилось», «да и самые жалобщики сознались, что они никаких угнетений со стороны эконома Гельбовича в отработывании повинностей не чувствуют»⁸⁰. Также «не подтвердились» и сообщения о поддержке Гельбовичем польского восстания.

⁷¹ ЦДИАУК. Ф. 533. Оп. 2. Д. 198. Л. 45.

⁷² ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Д. 1224. Л. 606.

⁷³ ЦДИАУК. Ф. 533. Оп. 2. Д. 198. Л. 46.

⁷⁴ Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) [РГИА]. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 129. Л. 476.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 129. Л. 477.

⁷⁶ ЦДИАУК. Ф. 533. Оп. 2. Д. 906. Л. 1.

⁷⁷ ЦДИАУК. Ф. 533. Оп. 2. Д. 906. Л. 3.

⁷⁸ ЦДИАУК. Ф. 533. Оп. 2. Д. 906. Л. 40б.

⁷⁹ ЦДИАУК. Ф. 533. Оп. 2. Д. 978. Л. 40б.

⁸⁰ ЦДИАУК. Ф. 533. Оп. 2. Д. 978. Л. 50б.

Несмотря на все это, российскую администрацию беспокоил вопрос защиты крестьян от мщения со стороны амнистированных помещиков — участников восстания. В 1835 году при Киевском, Волынском и Подольском генерал-губернаторстве была создана Тайная комиссия по мерам для защиты крестьян от преследования со стороны помещиков за донесения на них во время польского восстания. Правда, результат работы этой комиссии оказался довольно скромным: она рекомендовала ограничиться «освобождением от власти помещиков тех только крестьян, которые доносами своими... возбудили против себя вечную вражду», а поскольку они не могли выступить с доносами без согласия всей общины, следовало «освобождение сие распространить на целые селения, не касаясь других деревень того же владельца, в коих на него никаких доносов... не было»⁸¹.

По-видимому, «возбудить вечную вражду» и тем заслужить личную свободу посчастливилось лишь одному крестьянину, а именно Семену Бурделюку, которого освободил от крепостной зависимости Комитет западных губерний. Император утвердил это решение 30 июля 1835 года⁸².

* * *

Таким образом, хотя потенциал этно-религиозных отличий крестьян от помещиков на присоединенных от Речи Посполитой землях Российская империя и осознавала, на протяжении всей первой половины XIX века она использовала его лишь тактически. Такая линия вполне понятна, учитывая, что империя просто не могла не держаться до последнего за сословный принцип своего функционирования, ибо отказ от него предполагал бы качественное переосмысление всех основ ее самоидентификации. В то же время эта объективная привязанность к сословности обрекала Россию на социальное, экономическое и военно-политическое отставание в Европе, где модернизация экономики и армии шли нога в ногу с «национализацией» населения⁸³.

Переплетение различных политических, культурных и социальных тенденций первой половины XIX века делало все менее реалистичным согласие польских и имперских элит по вопросу о статусе подчиненного населения присоединенных к России земель, православных и греко-католиков, в которых русская элита постепенно открывала «русских», а польские эмиграционные авторы начинали видеть украинцев и белорусов⁸⁴. Противоречия между осознанием этнической специфики зависимых сословий и стремлением возродить Польшу в границах Речи Посполитой 1772 года были непростым вызовом для польской политической мысли середины XIX века. Отвечая на него, польские мыслители ссылались на французский опыт, доказывая, что, несмотря на этнические особенности, «русины и ляхи... всегда составляли один польский народ»⁸⁵. Не соглашаясь с последним утверждением, активисты украинского движения охотно воспринимали предложенные польскими коллегами аргументы принципиальных отличий между русинами и великороссами.

⁸¹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 785. Д. 213.Л. 360б.

⁸² Beauvois D. Trójkatukraiński... S. 262.

⁸³ Развернутое обоснование этого тезиса см. в: Graziosi A. Guerra e rivoluzione In Europa, 1905—1956. Bologna, 2001.

⁸⁴ См.: Rypński A. Białoruś. Kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji. Paryż, 1840; Jaworski J. Przypomnienia Ukraińskie, czyli Wiara ludu w swą przyszłość. Paryż, 1846. Обзор этих текстов предложен в: Пытин А. Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 644—686; Пытин А. Обзор малорусской этнографии // Вестник Европы. 1886. № 3. С. 300—325.

⁸⁵ Buszczyński S. Podole, Wołyn I Ukraina. Lwów, 1862. S. 11.

В середине XIX века разгорается настоящая война двух образов западных губерний / восточных кресов империи. Польская политическая мысль решительно отказывается от образа России как пространства, которое нужно сделать более цивилизованным, и империи, в рамках которой возможно возрождение Речи Посполитой в границах 1772 года. Российская политика в западных губерниях становится все более чуткой к проблемам языка преподавания и уличных вывесок или вероисповедания подданных. Идущий на смену просвещенному универсализму романтизм ознаменовал собой переход от сословно-исторической к этнокультурной нации, что предполагало переосмысление как польских, так и российских концепций, каждая из которых была отныне обречена на борьбу за души малозаметных ранее «шисматиков».

